

Р.В.Филиппов

ПИОНЕРЫ
МАРКСИЗМА
В РОССИИ

1883-1893 гг.

8/mex negP

ИНСТИТУТ МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА при ЦК КПСС

Р.В.Филиппов

ПИОНЕРЫ МАРКСИЗМА В РОССИИ

1883-1893 гг.

Историографический
очерк

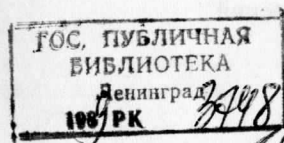
«Для Плеханова»
№ 89-3748/6

Москва
Издательство
политической
литературы
1989

Научный редактор — доктор исторических наук,
профессор В. П. НАУМОВ

Рецензент — доктор исторических наук,
профессор А. А. ЧЕРНОБАЕВ

Литературный редактор — О. Н. ЛЕЖНЕВА

Филиппов Р. В.

Ф53 Пионеры марксизма в России (1883—1893 гг.):
Историогр. очерк. — М.: Политиздат, 1989. — 367 с.
ISBN 5—250—00387—7

В Очерке доктора исторических наук, профессора Р. В. Филиппова на основе ленинской концепции генезиса РСДРП рассматривается советская историография узловых проблем возникновения марксизма в России (предшественники русской социал-демократии, переход революционной мысли страны к научному мировоззрению, творческая разработка марксистской теории применительно к отечественным условиям и др.). Показана связь исследования этих проблем с общественно-политической борьбой переходного периода, выявлены особенности и противоречивый характер историографического процесса.

Очерки предназначены для научных работников, преподавателей истории СССР и истории КПСС, аспирантов и студентов исторических факультетов.

Ф 0502000000—030 142—89
079(02)—89

ББК 66.61(2)251

ISBN 5—250—00387—7

© ПОЛИТИЗДАТ, 1989 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Не только результат исследования,
но и ведущий к нему путь должен
быть истинным.

К. Маркс

Сюжет предлагаемых очерков — история изучения советскими исследователями первого («утробного») периода российской революционной социал-демократии. Этот период охватывает около 10 лет: 1883—1893 гг. С тех пор прошло целое столетие, и на всем его протяжении никогда не ослабевал интерес — и в нашей стране, и за рубежом — к идейной жизни указанного десятилетия. Это понятно: речь идет об истоках и первых шагах движения, которое привело к созданию Коммунистической партии, — того «рычага», с помощью которого большевики «перевернули» Россию.

За 100 лет интересующая нас необычайно сложная проблема «обросла» огромным кругом разнообразной литературы, отразившей всю шкалу направлений отечественной исторической науки. Историографическая разработка этой литературы в полном объеме, в конкретно-историческом контексте движения общественно-политической мысли — дело будущих коллективных усилий общественников. Автор же предлагает лишь историографический очерк, ограничивая сферу своих интересов хронологическими, содержательными и собственно историографическими параметрами.

Хронологически исследование ограничивается строго определенными рамками: рассматривается литература, вышедшая в период от Великого Октября до середины 30-х гг. Это, на наш взгляд, цельный, внутренне законченный цикл движения исторической мысли в разработке данной проблемы, — движения, являвшегося органической частью историографического процесса в условиях трудно-го, противоречивого и драматичного переходного периода в истории нашей страны. Историография — особый вид научной ретроспекции, без которой немислимо поступательное движение самой исторической науки. Без деталь-

ной проработки истории изучения отдельных проблем невозможно создание полноценной общей историографии истории КПСС. Поэтому изучение истории исследования первого периода существования российской социал-демократии в указанных хронологических рамках не только вполне правомерно, но и необходимо. Это особенно важно сейчас, когда процесс революционной перестройки нашего общества делает неизбежным частичный или полный пересмотр тех точек зрения, которые все еще довлеют над общественным сознанием, хотя далеко не всегда отражают историческую правду во всей ее полноте.

В жизнедеятельности российской социал-демократии 1883—1893 гг. «преобладающее место занимали вопросы теоретические»¹. Естественно, что в нашем очерке основное внимание уделено работам, позволяющим воссоздать процесс изучения идеологического перелома, обозначившего возникновение в стране марксистского направления общественной мысли, а также программных и тактических исканий пионеров российского марксизма — деятелей социал-демократических кружков и групп 80 — начала 90-х гг. При этом автор стремился из всего многообразия точек зрения по различным вопросам темы вычлениить и рассмотреть концептуальные построения, оказывавшие влияние на весь исследовательский процесс. Принцип проблемного изложения, положенный в основу «организации» историографического материала, в какой-то мере ограничивал это стремление, обязывал, в частности, неоднократно возвращаться ко взглядам тех авторов, чьи труды охватывали многие вопросы столь обширной темы. Но это — необходимые издержки, которые в конечном счете не помешали выяснению основных тенденций в ее разработке.

Располагая объемом в 20 печатных листов, автор сознательно опустил некоторые обязательные элементы историографического анализа (биографические сведения об авторах, обстоятельства создания их трудов и т. п., не говоря уже о проблематике, давно ставшей предметом специального изучения). Читатель не найдет в предлагаемом очерке и специального раздела об исторических источниках, лежащих в основе конкретно-исторического изучения социал-демократического движения. В историографическом исследовании такой раздел представляется излишеством: во-первых, он по необходимости может представлять

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 2. С. 465.

лишь выборочный перечень (а не анализ) источников, а во-вторых, — и это главное — речь должна идти об исторической базе не проблемы в целом, что естественно для конкретно-исторического исследования, а тех историографических фактов, которые в данном случае и являются основным объектом рассмотрения.

Читатель, несомненно, заметит, что центральное место в очерке занимает процесс изучения идеологии и деятельности группы «Освобождение труда». Это связано не с какими бы то ни было субъективными предпочтениями, а лишь с состоянием источников, с тем объективным фактом, что именно эта группа, которая шла в авангарде российской марксистской мысли в 1883—1893 гг., естественно привлекала наиболее пристальное внимание историков партии. Необходимо было определить ее роль в становлении и развитии российского социал-демократического движения, а для этого — научно оценить созданный ею мировоззренческий комплекс, названный В. И. Лениным «доктриной русского марксизма»¹, соотнести его не только с предшествующей общественно-политической мыслью России и Западной Европы, но и с большевизмом. Перед историками во весь рост встали две тесно связанные и взаимопроницающие проблемы: «Плеханов и марксизм», «Ленин и Плеханов». В решении этих проблем историко-партийная мысль 20 — первой половины 30-х гг. обнаружила громадную амплитуду колебаний; она могла бы показаться совершенно невероятной, если бы мы не ощущали этих колебаний и по сей день.

В самом деле, каждый, кто следит за нашей научной литературой по данной проблеме, постоянно сталкивается с удивительным разнообразием во взглядах на соотношение теоретической мысли Плеханова-марксиста с учением самого Маркса, с одной стороны, и с учением Ленина — с другой. Конечно, сейчас только по недоразумению могут еще появляться работы, в которых революционный социал-демократизм Плеханова вообще выводится за пределы «настоящего» марксизма, а ему самому отказывается в общепризнанной заслуге основателя «русского марксизма»². Но и в трудах серьезных ученых, пытающихся осмыслить роль Плеханова в истории марксистской мысли, с трудом преодолевается все еще сохраняющееся (в тех

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 352.

² См.: Донской М. В. Правда истории против лжи: Ленинское учение о партии и его буржуазные фальсификаторы. М., 1986. С. 25—26.

или иных вариантах) представление о «неполноценности» марксизма Плеханова.

В качестве примера можно указать на книгу М. А. Лифшица. С одной стороны, он отмечает, что в 80-е гг. Плеханов «стал пророком русского рабочего класса», что его «многосторонняя деятельность сыграла большую роль в процессе идейной подготовки Октябрьской эпохи», с другой — говорит о «плехановской версии марксизма» как лишь о близкой к идеям Маркса и Энгельса «азбуке революционной теории», от союза с которой никогда не отказывался Ленин. Автор дает понять, что этот союз еще не исчерпал себя. «Не исключено, — пишет он, — что некоторые черты современной истории, например, громадное расширение массы ее участников, изменение состава рабочего класса, особая роль национального подъема и тяжкий гнет Big Government, «большой власти», способствуют возрождению исторического идеализма, с которым боролся Плеханов на исходе прошлого века. Вот почему очень может быть, что время Плеханова еще впереди»¹.

Одновременно мы встречаемся, как это справедливо отмечалось в литературе, с прямыми отступлениями от исторической правды, «когда авторы идут по легкому пути, опуская целые периоды в жизни Плеханова, не раскрывают противоречивости, сложности, порой трагичности, присущей жизнедеятельности и творчеству Плеханова»². С этой точки зрения характерны суждения Г. И. Куницына. Он утверждает: «Большая беда всего вообще русского революционного движения то, что оно слишком долго находилось под сильным влиянием Плеханова. В том числе и Ленин». И далее: Плеханов и его группа «Освобождение труда», «принесли несомненную пользу в пропаганде чисто теоретического марксизма, принесла все-таки... много отрицательного и прежде всего тем, что долгое время держала под своим влиянием Ленина. И как раз в той мере, в какой он от них освобождался, в той мере, в какой он уходил от них, в той только мере он подходил все ближе к тем взглядам, которые у него сложились к моменту Октябрьской революции»³. Плеханов, человек «гениальный по самой натуре», «от единственного человека

¹ Лифшиц Мих. Г. В. Плеханов: Очерк общественной деятельности и эстетических взглядов. М., 1983. С. 4, 138—140.

² Иовчук М. Т. Идеино-философская деятельность Г. В. Плеханова в группе «Освобождение труда» // Распространение марксизма в России и группа «Освобождение труда», 1883—1903 гг. Л., 1985. С. 58.

³ Литературная учеба. 1987. № 5. С. 9.

потерпел поражение, и то не столько в споре, сколько в истории — от Ленина».

Так представляется Г. И. Куницыну «силовое поле плехановских заблуждений». Пусть читатель вдумается в эти суждения, и он найдет в них очень мало правды. Во-первых: Плеханов отнюдь не ограничивался пропагандой «чисто теоретического марксизма». Он сумел творчески подойти к задаче применения теории Маркса к условиям России «со всеми практическими выводами»¹, нашедшими воплощение в программных документах группы «Освобождение труда». Во-вторых: до определенного времени Плеханов обладал могучим «силовым полем» — не «заблуждений», а марксистской истины. Он развернул эту истину в ряде работ, на которых воспитывалось целое поколение русских марксистов. Не потому ли до определенного времени Ленин видел в Плеханове «любимого человека», признавал его «теоретическую правоту», был его «ярким поклонником»?² Чтобы увидеть во всем этом «большую беду всего вообще русского революционного движения», надо обладать такой логикой, которая остается для нас непостижимой. В-третьих: Ленину не было необходимости «освободиться» от «плехановских заблуждений»: он просто никогда их не разделял. И если он иногда в чем-то ошибался («...не ошибается только тот, кто ничего не делает»³), то это были ошибки, к которым Плеханов не имел никакого отношения. В-четвертых: Ленин одержал полную победу над Плехановым именно «в споре», что и позволило ему увлечь за собой революционное крыло РСДРП, убедить в своей правоте большинство трудящихся масс и только в силу этого победить и «в истории». Ленин не был бы гением революционной теории и революционного действия, если бы вплоть до «момента Октябрьской революции» был обременен хотя бы ничтожной долей «плехановских заблуждений».

Этот маленький экскурс в современность мы сделали не для того, чтобы лишний раз показать, к каким безнадежным тупикам приводит отступление от принципа историзма, а чтобы читатель мог воочию убедиться в огромной живучести сложившихся некогда и завладевших общественным сознанием стереотипов. Они пришли к нам из глубин историографического процесса. Тем интереснее за-

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 25. С. 95.

² См. там же. Т. 4. С. 344, 345, 347.

³ Там же. Т. 45. С. 30.

глянуть в эти глубины для того, чтобы обнажить исторические корни этих стереотипов, рассмотреть их происхождение в свете марксистской методологии, сквозь призму ленинских взглядов на первый период истории российской социал-демократии и в связи с этим на различные аспекты деятельности Плеханова и группы «Освобождение труда».

Автор отдает себе полный отчет в трудностях этого рассмотрения. Ведь историография по необходимости включает критический подход к авторскому исследованию, предполагает установление соотношения между декларируемыми тем или иным историком идейно-теоретическими принципами и уровнем реализации их в исследовательской практике. К сожалению, в изучаемый период очень часто возникала «вилка», игнорирование которой весьма удобно для тех, кому историография истории партии представляется в виде совершенно бесконфликтного и обязательно поступательного (для любого отрезка времени и применительно к любой теме) движения. Между тем очевидно, что только с учетом указанного соотношения можно говорить об уровне изучения той или иной проблемы в тот или иной период.

Многие исследования 20 — первой половины 30-х гг. в силу ряда обстоятельств содержат подчеркнуто критическое отношение к теоретическому наследию группы «Освобождение труда». Но, как говорил Плеханов, «для того, чтобы критиковать того или другого автора, нужно глубже, нежели он, проникнуть в смысл тех явлений, которые он изучал или объяснял»¹. Поскольку зачастую приходится сталкиваться с какой-то фатальной неспособностью отдельных авторов к аутентичному истолкованию тех или иных теоретических или практически-политических суждений марксистов 80-х гг., постольку остро встает вопрос о профессиональных возможностях этих авторов, что тоже никак нельзя игнорировать.

Большие трудности перед историком советской исторической науки встают в связи с крайне слабой разработанностью методологии историографии истории КПСС как науки. Первые поиски историков партии в этом направлении оказались в непримиримом противоречии с культом личности Сталина. Связанное с его именем заведомо субъективистское истолкование многих исторических событий и фактов неотделимо от той далеко не новой в истории общественных наук тенденции, которую в свое время под-

¹ Плеханов Г. В. Сочинения: В 24 т. М.; Л. [1925]. Т. 14. С. 327.

верг убийственной критике Карл Маркс, а именно: стремление «приспособить науку к такой точке зрения, которая почерпнута не из самой науки (как бы последняя ни ошибалась), а *извне*, к такой точке зрения, которая продиктована *чуждыми* науке, *внешними* для нее интересами...»¹.

По нашему глубокому убеждению, нельзя закрывать глаза на отражение этой тенденции в посвященных первому периоду истории российской социал-демократии историко-партийных исследованиях 20 — 30-х гг. Действительно трудная задача состоит как раз в том, чтобы найти грани, отделяющие указанную тенденцию (а в связи с нею и ложное понимание принципа партийности) от подлинно научных поисков. Эти две линии не только противостояли друг другу, не только противоборствовали друг с другом, но и порой тесно переплетались. И уже только этот факт не оставляет места для однозначных оценок, для антиисторического приукрашивания и «спрямления» путей исторического познания.

«Надо говорить правду...»² Так неизменно ставил вопрос Ленин применительно к политике и ее научному обоснованию. С ленинской точки зрения, правда — и есть подлинная партийность, и лишь в этом качестве последняя не только не противостоит объективности, но, напротив, диалектически сливается с ней. Сталкиваясь с такими явлениями в исторических исследованиях, когда допускался разрыв этой диалектической связи, автор не считал возможным уклоняться от их принципиальных оценок, хотя его критика и затрагивает весьма деликатный и болезненный вопрос о нравственной позиции того или иного историка.

Считаем, однако, необходимым со всей решительностью подчеркнуть, что мы бесконечно далеки от того, чтобы рассматривать эти оценки как единственно возможные и, стало быть, единственно правильные: установка на истину в последней инстанции — худший вид доктринерства, догматизма и ограниченности.

Опыт познания прошлого еще древним позволил сделать вывод, сформулированный панегиристом императора Траяна Плинием Младшим: «...история не должна переступать пределов истины...»³ На исходе XVIII в. Ф. Шиллер пришел к заключению, что «истории не подобает быть пане-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 26, ч. 2. С. 125.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 7. С. 385.

³ Письма Плиния Младшего: Письма I—X. 2-е изд. М., 1984. С. 137.

гириком»¹. Еще меньше, по нашему мнению, это подобает историографии. Ведь взгляд историографа на свои источники не может не быть сугубо критическим: фактически он рассматривает сквозь призму новейшим общественно-политической практики заложенные в них идеи, точнее, историю идей, а «история идей есть история смены и, следовательно, борьбы идей»². В развитии историко-партийной науки это и есть та живая и достойная самого тщательного изучения нить, которая связывает историю и современность с тем уроком правды, который дал XXVII съезд КПСС.

* * *

В наше время любое историческое исследование, выполненное в рамках научного учреждения, в определенном смысле является результатом коллективного труда. Поэтому автор считает своим долгом выразить глубокую признательность докторам исторических наук Н. В. Блинову, С. С. Волку, В. П. Наумову, В. В. Шелохаеву и А. А. Чернобаеву, чьи ценные замечания, советы и пожелания были с благодарностью приняты и учтены в той мере, в какой это позволило ему завершить свою книгу.

Часть I

ТЕОРЕТИКО- МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ОСНОВА. ИСТОРИОГРАФИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

¹ Шиллер Ф. Собр. соч.: В 7 т. М., 1957. Т. 5. С. 445.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 25. С. 112.